

Algirdas Szezenas

Из воспоминаний Альгирдаса Шеренаса /рукопись, хранится у автора/.

"В ноябре 1939 года по реке Печоре везли на барже военнопленных польских офицеров. Шла шуга /мелкий лед/ и баржа застряла на середине реки между селениями Ульяшово и Соколово. Мороз крепчал, баржа оказалась в ледовом плену. Часть более сильных поляков выгрузили и отправили куда-то этапом, а остальных, около 200 человек, оставили в накрепко задранных трюмах, умирать от голода и холода. В баржи поставили вооруженную охрану. Из трюмов слышались стоны и проклятия: люди просили хлеба и молили их выпустить. Женщины и дети из близлежащих сел пытались подойти к барже, передать несчастным кое-какую одежду и пищу. Охранники прикладами винтовок отгоняли их, стреляли в воздух. Не удалось передать ни крошки хлеба. Люди погибли."

Примечание: автор рассказывает этот эпизод со слов своих знакомых. Дата условна. Возможно, речь идет о 1940 году. Возможно, также, что имеются в виду не военные.

"В январе-феврале 1942 года на таежных дорожках появились странные люди-тени. Одеты в лагерную одежду, обросшие, опухшие с голоду, в гноящихся язвах, они шатались или в поисках жилища, чтобы обогреться, отдохнуть и если удастся, что-нибудь поесть. Из-за страшного их вида и боязни быть ограбленными, местное население не пускало их в свои дома, закрывало на крепкие запоры двери, спускали с цепи охотничьих собак. Люди эти - бывшие польские офицеры, попавшие в плен или интернированные в период польско-германско-советской войны. Утратив здоровье и силы на лесоповале и строительстве Печорской железнодорожной магистрали они были отпущены на произвол судьбы, а вернее - на неизбежную гибель. При себе они имели кое-какие ~~книжечки~~ сомнительные справки, не давшие им права ни на проживание, ни на передвижение по Великой Стране. Для них в этой стране не было места. Как-то вечером к нам в барак зашел один из этих

несчастных — полковник Войска Польского Хипчинский. Это был высокий еще молодой человек с широкими сутулыми плечами и впалой грудью. На изможденном, обросшем седой щетиной лице, выделялись уставшие, печальные глаза. Положив на колени потертую зековскую шапку-ушанку и отогревшись около железной печки он нам рассказал о пытках в лагере. Его в одном нижнем белье пять раз выводили за зону на расстрел и пять раз живым возвращали в лагерь барак. На ночь оставляли в морге привязанным в одном гробу с мертвецом, зимой на улице обливали ледяной водой. К сожалению он не рассказал или я не расслышал, чего от него добивались палачи из НКВД. Литовцы в лагере были но их было мало и фамилии он не запомнил. Знал одного латыша по фамилии Пумпурс. Затем нас навестили два молодых студента-филолога из Краковского университета. Они также участвовали в вочне и были интернированы русскими. Студенты были наголо острижены, лица отекавшие, какие-то бело-прозрачные. У одного из них на допросе были выбиты все передние зубы.

Однажды на дороге женщины подобрали сидевшего в снегу обессиленного поляка с позеленевшим от дистрофии лицом. Им оказался подхорунжий Фартош. Привели его в барак, отогрели, целую неделю барак помогал ему чем мог — кто ложку баланды, кто краюху хлеба, кто картофельную лепешку. долго боролся со смертью пан Фартош /так его называли/ и все-таки выжил. Война, лагерь и пытки оставили след на его психике — был он не в меру разговорчив и часто заговаривался. Причлился он у нас и работал сторожем на парниках.

Поляки никак не могли разобраться что с ними вытворяют? за что мучают? Они храбро защищали Польшу, никого не предали, ни в каких разведках не состояли. Все они были чуточку наивны. Стдохнув в мороз и стужу они побрели дальше — в Котлас, искать какой-то Польский комитет. До Котласа они, конечно, не дошли, в дороге многие из них замерзли, были занесены снегом и съедены таежными зверями.

Женщины-литовки к бедным полякам относились гораздо милосердней, чем их земляки в нашем поселении. Польские женщины, занятые делами своих

8

семейств, делиться пайкой хлеба с голодными пришельцами не имели большого желания.

Тут напрашивается вопрос - зачем мучали ни в чем неповинных польских офицеров? Я думаю, случай с поляками аналогичен случаю с литовцами. Проектировалось строительство социалистической Польши, поэтому необходимо было истребить молодых, сильных и патриотически настроенных поляков. В лагерях из них выжали все, сломали или надломали психовно, истощили физически и отправили в тайгу умереть своей смертью. Было нелепо оставлять живыми объекты зверств. Ведь пойдя молва по союзников - неудобно случилось бы.

О спецпоселке, где вместе с литовцами жили поляки. 1941 год.

"И вот привезли нас на вечное поселение. Место нашего обитания представляло из себя небольшой лагерь, выстроенный на небольшой вырубке. Кругом обычная, маложивописная тайга европейского севера. Зона лагеря огорожена сплошным забором высотой 3,5 метра. На всех четырех углах по сторожевой вышке. В ворот лагеря небольшой помик вахты. На территории зоны два больших барака, сушилка для сушки мокрой одежды, столовая, баня и туалет. Между строениями были проложены мостки, росла чахлая трава и виднелись пни. В километре от лагеря, между соснами и березами проглядывалась серо-голубая лента Вычегды.

Бараки были перегородены на отсеки, в каждом отсеке поселилось по четыре семьи - по семье на угол. Кто-то привез сосновые чурбаки и доски сделали что-то наподобие нар, около нар разместились небольшой конторский шкаф с раздвижными дверцами. В середине стояла чугунная печка-буржуйка. Первые три дня никто не работал - обживались. В конце первой недели нашего пребывания привезли пополнение - польские семьи с Мазовецкого воеводства. Это были семьи военных, где-то затерявшихся в вертепе войны, полицейских чиновников и бог всть за что сюда попавших совершенно темных крестьян. Это выдавалось по бедной одежде и робкому деревенскому поведению. Поляки, по сравнению с литовками, были бойко на-

строены, бойко распевали свой немного переделанный гимн со словами "Марш, марш, Сикорский, проводзь нас до Польши...", очень быстро освоились и с начальством вели себя вызывающе. Возможно, это потому, что среди поляков было много молодых девушек и парней в возрасте 16-18 лет. Мы с поляками жили мирно, Вильнюсский вопрос никто не затрагивал. Поляки-мужчины защищали литовок, если кто-то из литовки начальства пытался их обижать. Мы получали сухой паек: хлеб, пшеничную крупу по 50 гр. на человека в день, сахар. У многих было привезенное с Литвы сало, так, что жили более или менее сытно. Работали вначале по разборке лагерного забора /как-никак поселились полувольные люди/, затем пилили дрова, корчевали лес, убирали картошку и капусту. ...

Кто-то из начальства посчитал, что пора прекратить выдачу сухого пайка и необходимо открыть столовую. Литовки скрепя сердце смирились с таким решением, но поляки подняли невероятный шум. Мужчины совели в лицо ~~квивляхухух~~ приезшему коменданту своих голопущих грязных малышей, на ломаном польско-русском жаргоне кричали, что сухой паек - это чистый продукт и они сварят, что захотят, а от столовой польза будет только поварам и начальству, а не им - полякам. ... Все это кончилось тем, что ночью солдаты НКВД в сопровождении штатских на конях окружили польский барак, захватили по списку наиболее сильно шумевших и пешком, под конвоем всадников, куда-то угнали. Матери, жены, дети прочими руками хватали всадников за сапоги, лошадиные гривы, кричали, просили, умоляли, ползали по грязи на коленях. Угнали двух рослых рыжих братьев Фазилюков, пожилого крестьянина Ядчак, студента Мабловского и других. Больше они не вернулись и об них никто ничего не слышал."